

Виктор Пронин

Королевский удар

*Часть сборника
Слишком большое сходство
(сборник)*

Виктор Алексеевич Пронин
Королевский удар
Серия «Ксенофонов
и Зайцев», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154168

*Виктор Пронин. Слишком большое сходство: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13116-7*

Аннотация

«Был поздний теплый вечер, можно даже сказать, что за окном стояла душная летняя ночь, огней становилось все меньше, только на горизонте, как всегда, неустанно и ненасытно полыхали зарева металлургических гигантов. Зайцев и Ксенофонов сидели в продавленных креслах перед низким столиком, на котором стояла подсохшая бутылка из-под пива и возвышались две небольшие горки рыбьей шелухи. Из этого можно было заключить, что сидели они давно, что переговорено между ними предостаточно, что пора уже, как говорится, и честь знать. Дверь на балкон они раскрыли и сидели в одних лишь штанах, сбросив рубашки на диван. Вот тут-то Зайцев и произнес слова, которые заставили их просидеть еще около часа...»

Виктор Пронин

Королевский удар

Был поздний теплый вечер, можно даже сказать, что за окном стояла душная летняя ночь, огней становилось все меньше, только на горизонте, как всегда, неустанно и ненасытно полыхали зарева металлургических гигантов. Зайцев и Ксенофонтов сидели в продавленных креслах перед низким столиком, на котором стояла подсохшая бутылка из-под пива и возвышались две небольшие горки рыбьей шелухи. Из этого можно было заключить, что сидели они давно, что переговорено между ними предостаточно, что пора уже, как говорится, и честь знать. Дверь на балкон они раскрыли и сидели в одних лишь штанах, сбросив рубашки на диван. Вот тут-то Зайцев и произнес слова, которые заставили их просидеть еще около часа.

– Вот сидишь ты, Ксенофонтов, – проговорил Зайцев с деланным равнодушием, – в этом загаженном котом кресле, и мысль у тебя сонная, вялая, и поза у тебя какая-то беспомощная, и взгляд блуждает по комнате в поисках подушки... А вот представь себе – раздается выстрел, пуля пробивает стекло и проносится в одном сантиметре от твоего виска. Что ты делаешь?

– Падаю на пол, ползу в прихожую и выключаю свет.

– Правильно. А потом?

– Запираю входную дверь еще на один замок и ползу к телефону.

– Зачем?

– Звонить тебе. Звать на место происшествия.

– Тоже ничего, – кивнул Зайцев. – Все правильно. А потом? Потом, когда ты бухнешься на свой лежак и уставишься бессонными глазами в темноту, о чем ты будешь думать? Что придет в твою непутевую голову?

– Мне станет любопытно – кто бы это мог выстрелить, чем и у кого я мог вызвать столь сильный гнев?

– И кого ты заподозришь в первую очередь?

– Конечно, тебя, Зайцев. И профессия у тебя безжалостная, и оружие есть, и меня знаешь лучше других. Значит, и оснований для подобного злодейства у тебя больше.

Зайцев взял бутылку, повертел ее перед глазами, посмотрел на свет сквозь зеленоватое стекло и, запрокинув голову, поднес ко рту горлышко, дожидаясь, пока одинокая капля пива преодолит расстояние от самого дна до горлышка и сорвется ему в рот. Но капелька не торопилась, медленно ползла внутри бутылки, а добравшись до края, повисла, не в силах оторваться. Зайцев слизнул ее языком и поставил бутылку на стол.

– А теперь скажи, Ксенофонов, как ты думаешь, почему я так поздно засиделся у тебя?

– Любишь меня безмерно, тебе нравится быть со мной, ты счастлив провести здесь вечерок, у тебя...

– Ошибаешься. Я жду звонка. Мне должны позвонить.

– Сюда? И что? Принесут пива?

– Нет, боюсь, пива не принесут.

В этот момент раздался телефонный звонок, Зайцев невозмутимо взял трубку и сказал:

– Слушаю.

Ксенофонтов смотрел на друга со смешанным выражением озадаченности и обиды – трубку должен был взять он, в конце концов, он у себя дома, а не в гостях у этого самоуверенного следователя.

– Ну что? – спросил Ксенофонтов, когда Зайцев, положив трубку, уставился невидящим взглядом в темноту ночи, озагаемую искусственными извержениями магмы на металлургическом заводе.

– Умер.

– Кто? – Сон отлетел от Ксенофонтова, как вспугнутый воробей.

– Вот я и говорю, – Зайцев, кажется, не услышал вопроса. – Стреляют в твоё окно. И ты начинаешь думать – кто? И знаешь, к какому выводу приходишь?

– Да, – ответил Ксенофонтов, поднимаясь с кресла и закрывая своей тенью столик с остатками пиршества. – Я прихожу к выводу, что это мог сделать кто угодно. Каждый человек, которого я знаю, которого когда-то знал и которого когда-либо узнаю. И происходит это не потому, что я испорчен, не потому, что всем успел напакостить, вовсе нет... Это

происходит потому, что я не могу представить, как кто поймет самый невинный мой жест, слово, поступок. Я думаю, что это шутка, а она окажется смертельным оскорблением. Я полагаю, что задаю вопрос, а на самом деле показываю свое болезненное любопытство. Я прошу денег, а он думает, что требую. И так далее. И лишь когда мимо моего уха просвистит пуля, я начинаю оценивать свои деяния иначе. Это страшно, Зайцев, это неприятно и постыдно – обнаружить в своей душе столько подозрительности. Да, мы живем в мире дружеской всеядности, приятельской необязательности, мы прощаем мелкие обиды, срамные намеки, неотданные долги, но, когда происходит нечто серьезное, все это обрывается злобным смыслом. И мы постигаем истинную свою сущность.

– Или сущность своих друзей, – негромко добавил Зайцев.

– Неважно, – с преувеличенной уверенностью заявил Ксенофонов. – Хорошо то, что мы начинаем хоть что-то постигать! Значит, говоришь, умер?

– Да, у него почти не было шансов.

– И... Кто же его? – осторожно спросил Ксенофонов, опасаясь, что Зайцев услышит в его вопросе неуместную назойливость или же стремление узнать служебную тайну.

– А! – Зайцев махнул рукой. – Друзья, знакомые, приятели... Все, как обычно. Хорошо это или плохо, но убийства чаще всего совершают близкие люди. Уж коли у нас нынче гласность, скажу больше – почти всегда убийца и его жертва

находятся в родственных отношениях, или же у них общие деловые интересы, или приятельские...

– Любовники?

– Да, и любовники. Все рядом, Ксенофонов, все рядом.

– Но ведь тебя это должно радовать! Сужается круг подозреваемых, сокращаются сроки расследования, облегчается поиск, кривая раскрываемости резко растет вверх! Благодарности, премии, награды! А?

– Так-то оно так, да не совсем... Понимаешь, и самое ближайшее окружение бывает довольно многочисленным, кроме того, возникают свои сложности... Нашел отпечатки пальцев? А они ничего не доказывают, этот человек бывал здесь постоянно. Кого-то видели входящим, выходящим из дома, а он действительно входил, выходил из этой двери, и делал это частенько. Существует много следов, которые в приложении к ближайшему окружению теряют свой смысл. Спрашиваю: ты ругался с покойником? Ругался, отвечает. И грозился, и водку с ним пил, и по морде его бил, когда эта морда еще живая была. Тот же мой клиент, умерший полчаса назад... Мы обшарили его квартиру, как никакую другую, нашли следы пребывания примерно дюжины человек – отпечатки пальцев, письма, записки, телефоны и так далее. Более того, нашли всю эту дюжину людей! Установили, что, кроме них, в доме никто не был! Что, кроме них, в доме никто и не мог быть! Что наверняка убийство совершил один из них! Но кто? – Зайцев беспомощно развел руками, опять

заглянул в пустую бутылку и отставил ее в угол, чтоб не раздражала.

– И никто не признался?

– Это самый дельный вопрос за весь сегодняшний вечер, – Зайцев соболезнующе посмотрел на друга и горько усмехнулся.

– Ну ты даешь! Распустил нюни, причитаешь, без конца заглядываешь в пустую бутылку, и только на основании этого я должен задавать тебе умные вопросы?! Мне, конечно, приятно, что ты столь высокого мнения обо мне, но всему есть пределы.

– И твоей проницательности тоже? – коварно спросил Зайцев.

– Может быть, и есть, – помялся Ксенофонов. – Хотя мне они неизвестны.

– Ну, пошли, – Зайцев поднялся, взял с дивана свою рубашку. – Предоставлю тебе такую возможность – ощутить пределы собственной проницательности.

– Куда?

– На место происшествия.

– Ты хочешь сказать...

– Пошли, Ксенофонов. Пошли. Сейчас удобное время. В той квартире наши ребята дежурят, заодно проверим их бдительность, посмотрим, как службу несут.

– А зачем они там?

– Вдруг кто-то придет, позвонит, поинтересуется... Есть

красивая легенда – будто убийцу тянет на место преступления. Мне, правда, не приходилось с подобным сталкиваться, но за ней не сплошная придумка, вдруг случается... Может, преступник впопыхах забыл какую-то улику и захочет ее устранить... Или вспомнит о чем-то таком, что заставит его вернуться... Вдруг!

Город был тих, пустые ночные улицы казались необычными, редкие машины проносились, будто старались куда-то успеть. Жара спала, и прохожие в этот поздний час попадались достаточно часто – люди, изможденные дневным зноем, не спешили ложиться спать. Зайцев и Ксенофонтов пересекли большую площадь, проводили взглядом пустой грохочущий трамвай и углубились в небольшой переулок. На нагретых за день каменных ступеньках сидели старухи, под деревьями толкались парни с девушками, в освещенных окнах беспокойно маячили фигуры их мам и пап.

Войдя во двор, Зайцев и Ксенофонтов осмотрелись. Не заметив ничего подозрительного, вошли в подъезд. Чтобы не грохотать на весь дом, Зайцев не стал вызывать лифт, а быстро взбежал по ступенькам на третий этаж. Ксенофонтов с трудом поспел за ним, стараясь оглядеться, увидеть нечто такое, мимо чего следователь прошел с преступной небрежностью.

– Тише, – сказал Зайцев. – Мы на месте.

Он нажал кнопку звонка у обитой коричневой клеенкой двери. Некоторое время стояла тишина, потом дверь резко

распахнулась и на площадку выскочили двое крепких ребят. Увидев Зайцева, оба смутились.

– А если бы нас было побольше? – спросил он.

– Успели бы кого-нибудь затащить в квартиру и запереться.

– Не знаю, не знаю, – проворчал Зайцев, входя в коридор. Подождав, пока войдут все, он запер дверь. – Никого не было? Звонки? Сантехники? Почтальоны?

– Никого!

– Ладно... Разберемся. Отдыхайте.

Ксенофонтов прошел в комнату. Книжный шкаф, диван, журнальный столик, два кресла. На стене небольшой коврик, чеканка или то, что ныне принято называть чеканкой – выдавленная на медной фольге женщина с мощным бюстом и длинным подолом. На столике Ксенофонтов увидел незаконченную партию в шашки. Он подошел, посмотрел позицию.

– Чей ход? – спросил он у оперативников, усевшихся в кресла.

– Ход черных.

– Тяжелый случай, – Ксенофонтов отошел к книжному шкафу, открыл дверцу, вынул один из альбомов, занимавших всю полку. Оказалось, марки. Они были и во втором, и в третьем альбоме.

– Да, это одна из версий, – сказал подошедший Зайцев. – Смотри, полтора десятка альбомов, и все марки. Ахнешь!

– А тут что стояло? – спросил Ксенофонтов, показывая на

просвет между первым альбомом и боковой стенкой полки.

– Ничего не было.

– А как все произошло?

– Вот так же стояли кресла, на столике те же шашки...

– Я думал, они у вас входят в служебное обеспечение.

– Нет, это шашки хозяина, Мاستихин его фамилия, – холодно пояснил Зайцев, почувствовав какое-то смутное беспокойство. Он помолчал с минуту, глядя на игроков, на доску, обернулся к книжному шкафу и лишь потом, словно вспомнив о Ксенофонтове, продолжал: – На столике были еще пепельница, окурки и две пустые чашечки с остатками кофе. Хозяин так и остался сидеть в этом кресле. Человек, с которым он играл в шашки, в какой-то момент ахнул его по голове и был таков.

– А зачем он это сделал?

– Черт его знает! Что-то взял, наверно. Если бы у него было желание отомстить, свести счеты, рассчитаться за какую-то обиду, они не сидели бы в этих креслах, как старые добрые друзья?

– Хороший кофе пил Мастихин?

– Не понял? – нахмурился Зайцев.

– Кофе, спрашиваю, был хороший?

– Откуда мне знать! Меня он не угощал!

– Напрасно. А отпечатки пальцев, говоришь...

– Дюжина разных отпечатков. Мы нашли всех их владельцев. Никто не отрицает, что бывал в этом доме, с хозяином

беседовал на разные темы. Мاستихин был большим охотником потрепаться за чашечкой кофе. И дотрепался. Установили, что в тот вечер здесь побывали несколько человек. Кто-то забежал на минутку, с кем-то он посидел час, два... Соседи, сослуживцы, родственники. Сосед тут один есть, отдохнул в свое время по двести шестой – хулиганство с поножовщиной. Взяли мы его, побеседовали, несколько суток беседовали... Пришлось отпустить. В общем, я вволю наговорился не с одним десятком человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.